

Букет

Я их как собирал?
Колокольчик чтоб был к колокольчику,
Василек к васильку
И ромашка к ромашке была.
Мне казалось, что будет красивой букет,
Если только одни васильки,
Или только одни колокольчики,
Или только ромашки одни
Соберутся головка к головке.
Можно стебли подрезать и в воду поставить в
стакан.
Постепенно я понял,
Что разных цветов сочетанье
(Ярко-желтого с белым,
Василькового с белым и желтым,
Голубого с лиловым,
Лилового с чуть розоватым)
Может сделаться праздником летних
полуденных красок,
Может сделаться радостью. Надо немного
условий:
Просто капельку вкуса
Или, может быть, капельку зренья —
И букет обеспечен. Хватает в июне цветов!
Так я их собирал. Но
(Во всем виновата незрелость)
Я наивно считал,
Что простые, невзрачные травы
(Это кажется нам, будто травы бывают
невзрачны)
Недостойны приблизиться
К чистым, отборным и ясным,
Собираемым мною в букет, удостоенным чести
цветам.
Обходил я пырей,
Обходил я глухую крапиву,
«Лисий хвост» обходил, и овсюг, и осот полевой,
И пушицу,
И колючий,
Полыхающий пламенем ярим,
Безобразный, бездарный татарник.
Им, конечно, хотелось. А я говорил с укоризной:
«Ну, куда вы?
Вот ты, щавеля лопухого стебель,
Полубуйсь на себя, ну куда ты годишься?
Разве сор подметать?
Ну, допустим, тебя я сорву...»
И затем,
Чтоб совсем уж растение это унизить,
Я сорвал
И приставил метельчатый стебель к букету,

Чтобы вместе со мной все цветы на лугу
посмеялись
Сочетанью ужасному розовой «раковой шейки»
И нелепой метелки.
Но...
Не смеялся никто.
Даже больше того (что цветы!), я и сам не
смеялся.
Я увидел, как ожил, как вдруг засветился букет,
Как ему не хватало
Некрасивого, в сущности, длинного, грубого
стебля.
Я крапиву сорвал,
Я приставил к букету крапиву!
И — о чудо! — зеленая, мощная сочность
крапивы
Озарила цветы.
А ее грубоватая сила
Оттенила всю нежность соседки ее забывудки,
Показала всю слабость малиновой тихой
гвоздички,
Подчеркнула всю тонкость, всю розовость
«раковой шейки».
Стебли ржи я срывал, чтоб торчали они из
букета!
И татарник срывал, чтоб симметрию вовсе
разрушить!
И былинник срывал, чтобы мощи косматой
добавить!
И поставил в кувшин,
И водой окатил из колодца,
Чтобы влага дрожала, как после дождя
проливного,
Так впервые я создал
Настоящий,
Правдивый букет.

Бывает так: в неяркий день грибной...

Бывает так: в неяркий день грибной
Зайдешь в лесные дебри ненароком -
И встанет лес иглистою стеной
И загородит нужную дорогу.
Я не привык сторонкой обходить
Ни гордых круч, ни злого буерака.
Коль начал жить, так прямо надо жить,
Коль в лес пошел, так не пугайся мрака.
Все мхи да топь, куда ни поверни;
Где дом родной, как следует не знаю.
И вот идешь, переступая пни
Да ельник грудью прямо разрывая.
Потом раздвинешь ветви, и в лицо
Ударит солнце, теплое, земное.
Поляна пахнет медом и пылью,

Вода в ручье сосновой пахнет хвоей.
Я тем, что долго путал, не кичусь,
Не рад, что ноги выпачканы глиной.
Но вышел я из путаницы чувств
К тебе!..
В цвету любви моей долина!

В лесу

В лесу, посреди поляны,
Развесист, коряжист, груб,
Слывший за великана
Тихо старился дуб.
Небо собой закрыл он
Над молодой березкой.
Словно в темнице, сыро
Было под кроной жесткой.
Душной грозовой ночью
Ударил в притихший лес,
Как сталь топора отточен,
Молнии синий блеск.
Короткий, сухой и меткий,
Был он как точный выстрел.
И почернели ветки,
И полетели листья.
Дуб встrepенулcя поздно,
Охнул, упал и замер.
Утром плакали сосны
Солнечными слезами.
Только березка тонкая
Стряхнула росинки с веток,
Расхохоталась звонко
И потянулась к свету.

Аргумент

О том, что мы сюда не прилетели
С какой-нибудь таинственной звезды,
Нам доказать доподлинно успели
Ученых книг тяжелые пуды.
Вопросы ставить, право, мало толку -
На все готов осмысленный ответ.
Все учтено, разложено по полкам,
И не учтен лишь главный аргумент.
Откуда в сердце сладкая тревога
При виде звезд, рассыпанных в ночи?
Куда нас манит звездная дорога
И что внушают звездные лучи?
Какая власть настойчиво течет к нам?
Какую тайну знают огоньки?
Зачем тоска, что вовсе безотчетна,
И какова природа той тоски?

Безмолвна неба синева...

Безмолвна неба синева,
Деревья в мареве уснули.
Сгорела вешняя трава
В высоком пламени июля.
Еще совсем недавно тут
Туман клубился на рассвете,
Но высох весь глубокий пруд,
По дну пруда гуляет ветер.
В степи поодаль есть родник,
Течет в траве он струйкой ясной,
Весь зной степной к нему приник
И пьет, и пьет, но все напрасно:
Ключа студеная вода
Бежит, как и весной бежала.
Неужто он сильнее пруда:
Пруд был велик, а этот жалок?

Но подожди судить. Кто знает?
Он только с виду мал и тих.
Те воды, что его питают,
Ты видел их? Ты мерил их?

Берёза

В лесу еловом все неброско,
Приглушены его тона.
И вдруг белым-бела березка
В угрюмом ельнике одна.
Известно, смерть на людях проще.
Видал и сам я час назад,
Как начинался в дальней роще
Веселый, дружный листопад.
А здесь она роняет листья
Вдали от близких и подруг.
Как от огня, в чащобе мглистой
Светло на сто шагов вокруг.
И непонятно темным елям,
Собравшимся еще тесней:
Что с ней? Ведь вместе зеленели
Совсем недавно. Что же с ней?
И вот задумчивы, серьезны,
Как бы потупив в землю взгляд,
Над угасающей березой
Они в молчании стоят.

Вдоль берегов Болгарии прошли мы...

Вдоль берегов Болгарии прошли мы...
Я все стоял на палубе, когда
Плыла, плыла и проплывала мимо
Ее холмов прибрежная гряда.
Волнистая - повыше и пониже,
Красивая - не надо ей прикрас.

Еще чуть-чуть - дома, людей увижу,
Еще чуть-чуть... И не хватает глаз!..
Гряды холмов туманится, синяя,
Какие там за нею города?
Какие там селения за нею,
Которых я не видел никогда?
Так вот они, неведомые страны...
Но там живут, и это знаю я,
Мои друзья - Георгий и Лиляна,
Митко и Блага - верные друзья.
Да что друзья! Мне так отрадно верить,
Что я чужим совсем бы не был тут.
В любом селе, когда б сойти на берег,
И хлеб и соль и братом назовут.
Ах, капитан, торжественно и строго
Произнеси командные слова.
Привстанем здесь пред дальнею дорогой,
В чужой Босфор легко ли уплыть!
Корабль идет, и сердце заболело.
И чайки так крикливы надо мной,
Что будто не болгарские пределы,
А родина осталась за кормой.
Вдоль берегов Болгарии прошли мы,
Я все стоял на палубе, пока
Туманились, уже неразличимы,
Быть может, берег, может, облака...

Воды

У вод, забурливших в апреле и мае,
Четыре особых дороги я знаю.
Одни
Не успеют разлиться ручьями,
Как солнышко пьет их
Косыми лучами.
Им в небе носиться по белому свету,
И светлой росой качаться на ветках,
И ливнями литься, и сыпаться градом,
И вспыхивать пышными дугами радуг.
И если они проливаются к сроку,
В них радости вдоволь, и силы, и проку.
Лужайки и тракты, леса и поля,
Нигде ни пылинки - сверкает земля!
А часть воды земля сама
Берет в глухие закрома.
И под травую, где темно,
Те воды бродят, как вино.
Они - глухая кровь земли,
Они шумят в цветенье лип.
Их путь земной и прост и тих,
И мед от них, и хлеб от них,
И сосен строгие наряды,
И солнце в гроздьях винограда.
А третьи - не мед, и не лес, и не зерна:

Бурливые реки, лесные озера.
Они океанских прибоев удары,
Болотные кочки и шум Ниагары.
Пути их не робки, они величавы,
Днепровская ГЭС и Цимлянская слава.
Из медного крана тугая струя
И в сказочной дымке морские края.
По ним Магеллановы шли корабли.
Они - голубые дороги земли.
Итак:
Над землею проносятся тучи,
И дождь оmyвает вишневые сучья,
И шлет океан за лавиной лавину,
И хлеб колосится, и пенятся вина.
Живут караси по тенистым прудам,
Высокие токи несут провода.
И к звездам струятся полярные льды...
.....
Но есть и четвертая жизнь у воды.
Бывает, что воды уходят туда,
Где нету ни света, ни солнца, ни льда.
Где глина плотнее, а камни упорней,
Куда не доходят древесные корни.
И пусть над землею крутая зима,
Там только прохлада и вечная тьма.
Им мало простору и много работы:
Дворцы сталактитов, подземные гроты...
И путь их неведомый скупко прорезан
И в солях вольфрама, и в рудах железа.
И вот иногда эти темные воды,
Тоскуя по солнцу, идут на свободу!
Веселая струйка, расколотый камень,
И пьют эту воду горстями, руками.
В барханных равнинах, почти что рыдая,
Губами, как к чуду, к воде припадают.
Она в пузырьки одевает траву,
Ее ключевой, родниковой зовут.
То жилию льдистою в грунте застынет,
То вспыхнет оазисом в древней пустыне.
Вода ключевая, зеленое лето,
Вселенская лирика!
Песня планеты!

Городская весна

Растопит солнце грязный лед,
В асфальте мокром отразится.
Асфальт - трава не прорастет,
Стиха в душе не зародится.
Свои у города права,
Он в их охране непреложен,
Весна бывает, где земля,
Весна бывает, где трава,
Весны у камня быть не может.

Я встал сегодня раньше всех,
Ушел из недр квартиры тесной.
Ручей. Должно быть, тает снег.
А где он тает - неизвестно.
В каком-нибудь дворе глухом,
Куда его зимой свозили
И где покрылся он потом
Коростой мусора и пыли.
И вот вдоль тротуара мчится
Ручей, его вода грязна,
Он - знак для жителей столицы,
Что где-то в эти дни весна.
Он сам ее еще не видел,
Он здесь рожден и здесь живет,
Он за углом, на площадь выйдя,
В трубу колодца упадет.
Но и минутной жизнью даже
Он прогремел, как трубный клич,
Напомнив мне о самом важном -
Что я земляк, а не москвич.
Меня проспекты вдаль уводят,
Как увела его труба.
Да, у меня с ручьем сегодня
Во многом сходная судьба.
По тем проспектам прямоком
В мои поля рвануться мне бы.
Живу под низким потолком,
Рожденный жить под звездным небом.
Но и упав в трубу колодца,
Во мрак подземных кирпичей,
Не может быть, что не пробьется
На волю вольную ручей.
И, нужный травам, нужный людям,
Под вешним небом средь полей,
Он чище и светлее будет,
Не может быть, что не светлей!
Он станет частью полноводной
Реки, раздвинувшей кусты,
И не асфальт уже бесплодный -
Луга зальет водой холодной,
Где вскоре вырастут цветы.
А в переулок тот, где душно,
Где он родился и пропал,
Вдруг принесут торговки дружно
Весенний радостный товар.
Цветы! На них роса дрожала,
Они росли в лесах глухих.
И это нужно горожанам,
Конечно, больше, чем стихи!

Гуси шли в неведомые страны

Из-за леса, где в темно-зеленом

Ярко-красным вспыхнули осины,
Вышел в небо к югу заостренный,
Вожакom ведомый клин гусиный.
По низинам плавали туманы,
Серебрясь под солнцем невеселым,
Гуси шли в неведомые страны,
Пролетая северные села.
В их крови певучий и тревожный
Ветер странствий, вольного полета.
Впереди закатные болота,
Тишина ночлегов осторожных.
Или в час, как только рассвело,
Полнаперстка дробы под крыло.
И повиснут крылья, а пока
Легок взмах широкого крыла.
Гуси шли, и голос вожака
Долетел до нашего села.
А у нас на маленьком дворе,
Сельской птицы гордость и краса,
Тихо жил и к празднику жирел
Краснолобый медленный гусак.
По деревне шлялся и доволен
Был своею участью и волей.
Но теперь от крика вожака
В ожиревшем сердце гусака
Дрогнул ветер странствий и полета,
И гусак рванулся за ворота.
И, ломая крылья о дорогу,
Затрубил свободу и тревогу.
Но, роняя белое перо,
Неуклюже ноги волоча,
На задах, за низеньким двором
Он упал на кучу кирпича.
А на юге в небе светло-синем
Таял зов, на крыльях уносимый.

Деревья

У каждого дома
Вдоль нашей деревни
Раскинули ветви
Большие деревья.
Их деды сажали
Своими руками
Себе на утеху
И внукам на память.
Сажали, растили
В родимом краю.
Характеры дедов
По ним узнаю.
Вот этот путями
Несложными шел:
Воткнул под окном

Неотесанный кол,
И хочешь не хочешь,
Мила не мила,
Но вот под окном
Зашумела ветла.
На вешнем ветру
Разметалась ветла,
С нее ни оглобли
И ни помела.
Другой похитрее,
Он знал наперед:
От липы и лапти,
От липы и мед.
И пчелы летают
И мед собирают,
И дети добром
Старика поминают.
А третий дубов
Насадил по оврагу:
Дубовые бочки
Годятся под брагу.
Высокая елка -
Для тонкой слег.
Кленовые гвозди -
Тачать сапоги.
Обрубок березы
На ложку к обеду...
Про все разумели
Премудрые деды.
Могучи деревья
В родимом краю,
Характеры дедов
По ним узнаю.
А мой по натуре
Не лирик ли был,
Что прочных дубов
Никогда не садил?
Под каждым окошком,
У каждого тына
Рябины, рябины,
Рябины, рябины...
В дожди октября
И в дожди ноября
Наш сад полыхает,
Как в мае заря!

Дирижер. Рапсодия Листа

Я слушал музыку, следя за дирижером.
Вокруг него сидели музыканты — у каждого
особый инструмент
(Сто тысяч звуков, миллион оттенков!).
А он один, над ними возвышаясь,

Движеньем палочки, движением руки,
Движеньем головы, бровей, и губ, и тела,
И взглядом, то молящим, то жестоким,
Те звуки из безмолвья вызывал,
А вызвав, снова прогонял в безмолвье.

Послушно звуки в музыку сливались:
То скрипки вдруг польются,
То тревожно
Господствовать начнет виолончель,
То фортепьяно мощные фонтаны
Ударят вверх и взмоют, и взовьются,
И в недоступной зыбкой вышине
Рассыплются на брызги и на льдинки,
Чтоб с легким звоном тихо замереть.
Покорно звуки в музыку сливались.
Но постепенно стал я различать
Подспудное и смутное брожение
Неясных сил,
Их шепот, пробужденье,
Их нарастанье, ропот, приближенье,
Глухие их подземные толчки.
Они уже почти землетрясенье.
Они идут, еще одно мгновенье —
И час пробьет...
И этот час пробил!
О мощь волны, крути меня и комкай,
Кидай меня то в небо, то на землю,
От горизонта
И
До горизонта
Кипящих звуков катится волна.
Их прекратить теперь уж невозможно,
Их усмирить не в силах даже пушки,
Как невозможно усмирить вулкан.
Они бунтуют, вышли из-под власти
Тщедушного седого человека.
Что в длинном фраке,
С палочкой нелепой
Задумал со стихией совладать.
Я буду хохотать, поднявши руки.
А волосы мои пусть треплет ветер,
А молнии, насквозь пронзая небо,
Пускай в моих беснуются глазах,
Их огненными делая из синих.
От горизонта
И
До горизонта
Пускай змеятся молнии в глазах.
Ха-ха-а! Их усмирить уж невозможно
(Они бунтуют, вышли из-под власти).
Как невозможно бурю в океане
Утишить вдруг движением руки.

Но что я слышу...
Нет...
Но что я вижу:
Одно движение палочки изящной —
И звуки все
Упали на колени,
Потом легли... потом уж поползли...
Они ползут к подножью дирижера,
К его ногам!
Сейчас, наверно, ноги
Ему начнут лизать
И пресмыкаться...
Но дирижер движением спокойным
Их отстранил и держит в отдаленье
Он успокоил,
Он их приласкал.
То скрипки вдруг польются,
То тревожно
Господствовать начнет виолончель.
То фортепьяно мощные фонтаны
Ударят вверх и взмоют, и взовьются,
И в недоступной зыбкой вышине
Рассыплются на брызги и на льдинки,
Чтоб с легким звоном тихо замереть...
.....
Все правильно. Держать у ног стихию
И есть искусство. Bravo, дирижер!

Журавли

Журавли, наверно, вы не знаете,
Сколько песен сложено про вас,
Сколько вверх, когда вы пролетаете,
Смотрит затуманившихся глаз!
Из краев болотных и задебренных
Выплывают в небо косяки.
Крики их протяжны и серебряны,
Крылья их медлительно гибки.
Лирика полета их певучего
Нашей книжной лирики сильней.
Пролетают, радуя и мучая,
Просветляя лица у людей.
Годы мне для памяти оставили,
Как стоял я около реки
И, покуда в синем не растаяли,
Журавлей следил из-под руки.
Журавли летели, не синицы,
Чьим порханьем полнится земля...
Сколько лет уж, если спохватиться,
Не видал я в небе журавля!
Словно светлый сон приснился или
Это сказка детская была.
Или просто взяли обступили

Взрослые, серьезные дела.
Окружили книги окончательно,
Праздность мне постыдна и чужда...
Ну а вы, спрошу я у читателя,
Журавлей вы видели когда?
Чтоб не просто в песне, а воочию,
Там, где травы жухнут у реки,
Чтоб, забыв про мелочное прочее,
Все глядеть на них из-под руки.
Журавли!
Заваленный работою,
Вдалеке от пасмурных полей,
Я живу со странною заботою -
Увидать бы в небе журавлей!

Звездные дожди

Бездонна глубь небес над нами.
Постой пред нею, подожди...
Над августовскими хлебами
Сверкают звездные дожди.
Не зная правильной орбиты,
Вразброд, поодиночке, зря
Летят из тьмы метеориты
И круто падают, горя.
Куски тяжелого металла,
Откуда их приносит к нам?
Какая сила разметала
Их по космическим углам?
На островок земли туманный,
Где мирно пахутся поля,
Не так ли бездна океана
Выносит щепки корабля?
А вдруг уже была планета
Земле-красавице под стать,
Где и закаты, и рассветы,
И трав душистых благодать?
И те же войны и солдаты.
И те же коршуны во мгле,
И, наконец, разбужен атом,
Как он разбужен на земле?
Им надо б все обдумать трезво,
А не играть со смертью зря.
Летят из тьмы куски железа
И круто падают, горя.
То нам примером быть могло бы,
Чтобы, подхваченный волной,
Как голубой стеклянный глобус,
Не раскололся шар земной.
Погаснет солнце на рассвете,
И нет просвета впереди...
А на какой-нибудь планете
Начнутся звездные дожди.

Как растают морозные...

Как растают морозные
Голубые снега,
Воды вешние, грозные
Принимает река.
Воды талые, мутные
Из окрестных лугов,
И становится трудно им
В тесноте берегов.
Выливаются в поймы,
Размывают стога...
А моя река поймана,
Высоки берега.
Половодью быть где же тут,
Как же паводку быть?
Только льдины со скрежетом
Вдруг встают на дыбы.
И, сшибаясь, сломаются,
И звереет волна,-
Не звереть и не маяться
В эти дни не вольна!

Колодец

Колодец вырыт был давно.
Все камнем выложено дно,
А по бокам, пахуч и груб,
Сработан плотниками сруб.
Он сажень на семь в глубину
И уже видится ко дну.
А там, у дна, вода видна,
Как смоль, густа, как смоль, черна.
Но опускаю я бадью,
И слышен всплеск едва-едва,
И ключевую воду пьют
Со мной и солнце и трава.
Вода нисколько не густа,
Она, как стеклышко, чиста,
Она нисколько не черна
Ни здесь, в бадье, ни там, у дна.
Я думал, как мне быть с душой
С моей, не так уж и большой:
Закрывать ли душу на замок,
Чтоб я потом разумно мог
За каплей каплю влагу брать
Из темных кладезных глубин
И скупую влагу отдавать
Чуть-чуть стихам, чуть-чуть любви!
И чтоб меня такой секрет
Сберег на сотню долгих лет.
Колодец вырыт был давно,
Все камнем выложено дно,
Но сруб осыпался и сгнил

И дно подернул вязкий ил.
Крапива выросла вокруг,
И самый вход заткал паук.
Сломав жилище паука,
Трухлявый сруб задев слегка,
Я опустил бадью туда,
Где тускло брезжила вода.
И зачерпнул - и был не рад:
Какой-то тлен, какой-то смрад.
У старожила я спросил:
- Зачем такой колодец сгнил?
- А как не сгнить ему, сынок,
Хоть он и к месту, и глубок,
Да из него который год
Уже не черпает народ.
Он доброй влагою налит,
Но жив, пока народ поит –
И понял я, что верен он,
Великий жизненный закон:
Кто доброй влагою налит,
Тот жив, пока народ поит.
И если светел твой родник,
Пусть он не так уж и велик,
Ты у истоков родника
Не вешай от людей замка.
Душевной влаги не таи,
Но глубже черпай и пои!
И, сберегая жизни дни,
Ты от себя не прогони
Ни вдохновенья, ни любви,
Но глубже черпай и живи!

Корабли

Проходила весна по завьюженным селам,
По земле ручейки вперегонки текли,
Мы пускали по ним, голубым и веселым,
Из отборной сосновой коры корабли.
Ветерок паруса кумачовые трогал,
Были мачты что надо: прочны и прямы,
Мы же были детьми, и большую дорогу
Кораблю расчищали лопаточкой мы.
От двора, от угла, от певучей капели,
Из ручья в ручеек, в полноводный овраг,
Как сквозь арку, под корень развесистой ели
Проплывал, накреняясь, красавец «Варяг».
Было все: и заветрины и водопады,
Превышавшие мачту своей высотой.
Но корабль не пугали такие преграды,
И его уносило весенней водой.
А вода-то весной не течет, а смеется,
Ей предел не положен, и куре ей не дан.
Каждый малый ручей до реки доберется,
Где тяжелые льдины плывут в океан.

И мне снилось тогда - что ж поделаешь: дети!
Мой корабль по волнам в океане летит.
Я тогда научился тому, что на свете
Предстоят человеку большие пути.

Мерцают созвездья...

Мерцают созвездья в космической мгле,
Заманчиво светят и ясно,
Но люди привыкли жить на земле,
И эта привычка прекрасна.
Космос как море, но берег — Земля,
Равнины ее и откосы.
Что значит земля для людей с корабля,
Вам охотно расскажут матросы.
О море мечтают в тавернах они,
Как узники, ищут свободы.
Но все же на море проходят лишь дни,
А берегу отданы годы.
Я тоже хотел бы на борт корабля,
Созвездия дальние манят.
Но пусть меня ждет дорогая земля,
Она никогда не обманет.

На пашни, солнцем залитые...

На пашни, солнцем залитые,
На луговой цветочный мед
Слетают песни золотые,
Как будто небо их поет.
Куда-куда те песни за день
Не уведут тропой земной!
Еще одна не смолкла сзади,
А уж другая надо мной.
Иди на край земли и лета -
Над головой всегда зенит,
Всегда в зените песня эта,
Над всей землей она звенит!

Наполеоновские пушки в Кремле

После первых крещений в Тулоне
Через реки, болота и рвы
Их тянули поджарые кони
По Европе до нашей Москвы.
Их сорвали с лафетов в двенадцатом
И в кремлевской святой тишине
По калибрам, по странам и нациям
К опаленной сложили стене.
Знать, сюда непременно сводило
Все начала и все концы.
Сквозь дремоту холодные рыла
Тупо смотрят на наши дворцы.
Итальянские, польские, прусские

И двенадцать прочих держав.
Рядом с шведскими пушки французские
Поравнялись судьбой и лежат.
Сверху звезды на башнях старинных,
Башням памятна славная быль.
И лежит на тяжелых стволлинах
Безразличная русская пыль.

Последний блик закатного огня

Последний блик закатного огня
Нахлынувшая туча погасила.
«Вы любите природу?» – у меня
Восторженная спутница спросила.
Я промолчал растерянно в ответ
На тот вопрос бессмысленный и странный.
Волну спросила б: нравится иль нет
Крутой волне
Волнение океана?

У моря

Разгулялся ветер на просторе,
Белопенный катится прибой.
Вот и я живу у синя моря,
Тонущего в дымке голубой.
Ни испить его, ни поглядеться,
Словно в тихий омут на лугу.
Ничего не вспомнится из детства
На его бестравном берегу.
Оттого и скучно здесь слегка мне
Над седым величием волны.
До меня, сидящего на камне,
Долетают брызги, солонь.
Ни краев, ни совести у моря!
Густо засинев доглубока,
Вот оно берется переспорить
Маленького в поле василька.
Вот оно, беснуясь и ревнуя,
Все ритмичней хлещет и сильней.
Хочет смыть тропинку полевую
Из железной памяти моей.

Родник

Я тех мест святыми не считаю,
Я от тех лесов почти отвык.
Там по мне, наверно, не скучает
Очень звонкий маленький родник.
Он пропах землей, травой и хвоей,
В жаркий полдень холоден всегда.
А опустишь руку в голубое,
Заласкает светлая вода.
У его задумчивого пеня
Я большой учился чистоте,

Первым, самым робким вдохновеньям,
Первой, самой маленькой мечте.
Я тех мест святыми не считаю,
Только я не так еще отвык,
Только пусть пока не высыхает
Очень звонкий маленький родник.
Пусть вдали от низенького дома
Я, мужая, сделаюсь седым.
Я еще приду к нему, живому,
И еще напьюсь его воды!

Сосна

Я к ночи из лесу не вышел,
Проколов бродив целый день.
Уж, как вода, все выше, выше
Деревья затопляла тень.
Янтарь стволов и зелень хвои -
Все черным сделалось теперь.
В лесу притихло все живое.
И стал я чуток, словно зверь.
А наверху, над мглою этой,
Перерастя весь лес, одна,
В луче заката, в бликах света
Горела яркая сосна.
И было ей доступно, древней,
Все, что не видел я с земли:
И сам закат, и дым деревни,
И сталь озерная вдали.

Счастье

Ах, мечтатели мы!
Мало было нам розовой розы,
Сотворили, придумали, вывели наугад
Белых, чайных, махровых,
Багровых, янтарных и черных,
Желтых, словно лимон,
И пурпурных, как летний закат.
Мало!
Здесь подбираемся к сути мы,
К человеческой сути, что скромно зовется
мечтой.
Мусор - белые розы,
Черные розы - убожество.
Хорошо бы добиться,
Чтоб роза была
Голубой!
Что за мех горностай!
Белый снег (королевские мантии!),
Драгоценному камню подобен блистательный
мех.
А мечтатель уходит в тайгу,
Сорок лет он мечтает и мается,
Ни в собольем дыму,

Ни в сивушном бреду,
Ни в семейном ладу не находит утех.
Сорок лет он бежит по следам невозможного
зверя.
Ты ему не перечь. И мечтать ты ему не мешай.
- Понимаешь, браток,
За десятым хребтом
Есть одно потайное ущелье,
Там-то он и живет.
- Кто же?
- Розовый горностай!
Нам реальность претит.
Все за смутным, за сказочным тянемся.
Как закаты красны,
Сколько золота бьет из-за туч.
А чудаки говорят:
- Это что?
Раз в сто лет на закате, случается,
Появляется в небе
Зеленый
Сверкающий луч!
Вот бы выпало счастье... Ан нет же...-
Так в чем оно, счастье?
Неужели не счастье ходить по земле босиком,
Видеть белой ромашку,
А солнышко на небе красным,
И чтоб хлеб, а не писанный пряник,
Не заморским напиться вином,
А коровьим парным молоком!
Но...
Мечтатели мы.
Вон опять он пошел по тропинке,
Обуянный мечтой. И мечтать ты ему не мешай.
Сухаришки в мешке. В ружьеце притаились
дробинки,
Где-то ждет его розовый,
Розовый горностай!

Та минута была золотая

Верно, было мне около году,
Я тогда несмышленишем был,
Под небесные синие своды
Принесла меня мать из избы.
И того опасаясь, возможно,
Чтобы сразу споткнуться не мог,
Посадила меня осторожно
И сказала: «Поползай, сынок!»
Та минута была золотая -
Окружила мальчика синева,
А еще окружила густая,
Разгустая трава-мурава.
Первый путь до цветка от подола,
Что сравнится по трудности с ним?

Он пролегал по земле, не по полу,
Не под крышей - под небом самим.
Все опасности белого света
Начинались на этом лугу.
Мне подсунула камень планета
На втором от рожденья шагу.
И упал, и заплакал, наверно,
И барахтался в теплой пыли...
Сколько, сколько с шагов этих первых
Поисхожено мною земли!
Мне достались в хозяйские руки
Ночи звездные, в росах утра.
Не трава, а косматые буки
Окружали меня у костра.
На тянь-шаньских глухих перевалах
Я в снегу отпечатал следы.
Заполярные реки, бывало,
Мне давали студеной воды.
Молодые ржаные колосья
Обдавали пылью меня,
И тревожила поздняя осень,
Листопадом тихонько звеня.
Пусть расскажут речные затоны,
И луга, и леса, и сады:
Я листа без причины не тронул
И цветка не сорвал без нужды.
Это в детстве, но все-таки было:
И трава, и горячий песок,
Мать на землю меня опустила
И сказала: «Поползай, сынок!»
Тот совет не пошел бы на пользу,
Все равно бы узнал впереди -
По планете не следует ползать,
Лучше падай, но все же иди!
Так иду от весны до весны я,
Над лугами грохочет гроза,
И смотрю я в озера земные
Все равно что любимой в глаза.

Так стриж в предгрозье

Березу, звонкую от стужи,
Отец под корень подрубал.
Седьмой удар, особо дюжий,
Валил березу наповал.
На синий снег летели щепки,
Чуть розоватые собой,
А самый ствол, прямой и крепкий,
Мы на санях везли домой.
Там после тщательной просушки
Гулял рубанок по стволу,
И солнцем пахнувшие стружки
Лежали пышно на полу.
А в час, когда дымки на крышах

И воздух звонок, как стекло,
Я уходил на новых лыжах
На холм высокий, за село.
Такой нетронутый и чистый
Весь мир лежал передо мной,
Что было жалко снег пушистый
Чертить неопытной лыжней.
Уже внизу кусты по речке
И все окрестности внизу,
И тут не то что спрыгнуть с печки
Иль прокатиться на возу.
Тут ноги очень плохо служат
И сердце екает в груди.
А долго думать только хуже,
А вниз хоть вовсе не гляди.
И я ловчил, как все мальчишки,
Чтоб эту робость провести:
Вот будто девочку из книжки
Мне нужно броситься спасти.
Вот будто все друзья ватагой
Идут за мною по пятам
И нужно их вести в атаку,
А я у них Чапаев сам.
Под лыжей взвизгивало тонко,
Уж приближался миг такой,
Когда от скорости шапчонку
Срывает будто бы рукой.
И, запевая длинно-длинно,
Хлестал мне ветер по лицу,
А я уже летел долиной,
Вздымая снежную пылью...
Так стриж в предгрозье, в полдень мая,
В зенит поднявшись над селом,
Вдруг режет воздух, задевая
За пыль дорожную крылом.

Три черёмуховых дня

Какой простор насмешкам был,
Упрёкам тошным и сварливым,
Что я черёмух насадил,
Где быть бы яблоням и сливам.
Как помню, даже и сосед
Не похвалил моей затеи:
"Ни красоты особой нет,
Ни проку, кроме, разве тени.
От ягод сразу вяжет рот,
Ну, съешь десятка два от силы.
Конечно, ежели цветет,
То и душисто, и красиво,
Но это ведь – три дня в году.
И – отцвела. И – всё забыто.
И для чего сажать в саду,
Когда её в лесу избыток?"

Но я вчера окно открыл,
Нет, распахнул, окно, вернее,
И белой сказкой встречен был
И сразу замер перед нею.
Пыланье белого огня
В чуть золотистый час рассвета...
О, три черёмуховых дня!
Пусть остальные – просто лето.
Вы не обманите меня,
Чуди, капризничай, погода...
О, три черёмуховых дня
За остальные будни года!
Судьба, пути свои верши.
И отживу. И в землю лягу.
Три дня цветения души!
Себе берите тонны ягод.
То утро в памяти храня,
Прошу у жизни, как награды:
Дай три черёмуховых дня,
А остальных уже не надо.

Тропа вдоль просеки лесной...

Тропа вдоль просеки лесной
Бывает так отрадна взгляду,
В часы, когда неистов зной,
Она уводит нас в прохладу.
А есть тропинка через рожь,
По ней и час, и два идешь,
Вдыхая тонкую пыльцу.
А есть к заветному крыльцу
Совсем особая тропинка.
Мне эти тропы не в новинку.
Но помню дикий склон холма,
Парной весенней ночи тьма.
Вокруг не видно ни черта,
Лишь наверху земли черта
Перечертила Млечный Путь,
В дорогу палку не забудь!
Не поскользись на черном льду,
Тропа нацелена в звезду!
Всю жизнь по той тропе иди,
Всю жизнь на ту звезду гляди!

Тропа нацелена в звезду...

Глухая ночь сгущает краски,
И поневоле страшно нам.
В такую полночь без опаски
Подходят волки к деревням.
Зачем–то совести не спится,
Кому–то хочется помочь.
И болен мозг. И дух томится.
И бесконечно длится ночь.
Захлопав шумными крылами,

Петух проснувшийся орет.
Полночный час идет над нами,
Звезда полночная плывет.
По всем дворам пропели певни,
Но не разбужена земля.
И снова тихо над деревней,
Темны окрестные поля.
Повремени, собравши силы.
Земля вращается в ночи.
Опять глашатай краснокрылый,
Крылом ударив, закричит.
И снова все ему ответят
Из–за лесов... Из–за реки...
Но это все еще не третьи,
Еще не третьи петухи.
Еще раздолье всем сомненьям,
Еще не просто быть собой.
Еще в печах к сухим поленьям
Не поднесен огонь живой,
Чтоб трубы дружно задымились,
Чтобы дымы тянулись ввысь,
Чтоб жар пылал, чтоб щи варились,
Чтоб хлебы добрые пеклись.
Еще зари в помине нету,
Еще и звезды не бледней
И утра светлого приметы
Неуловимы для людей.
Но скоро станет мрак белесым,
Проступят дальние стога
И солнце, выйдя из–за леса,
Зажжет февральские снега.
Но выйдет солнце непременно,
В селе,
Вокруг,
Из–за реки,
По всей предутренней вселенной
Горланят третьи петухи.

У тех высот, где чист и вечен...

У тех высот, где чист и вечен
Высокогорный прочный лед,
Она, обычная из речек,
Начало робкое берет.
Архар идет к ней в час рассвета,
Неся пудовые рога,
И нестерпимо ярким цветом
Цветут альпийские луга.
На камень с камня ниже, ниже,
И вот река уже мутна,
И вот уже утесы лижет
Ее стесненная волна.
Потом трава, полынь степная,
И скрыты в белых облаках

Вершины, где родилась злая
И многотрудная река.
И наступает место встречи,
Где в воды мутные свои
Она веселой бойкой речки
Вплетает чистые струи.
Ах, речка, речка, может, тоже
Она знакома с высотой,
Но все ж неопытней, моложе
И потому светлее той.
Бродя в горах, величья полных,
Узнал я много рек, и вот
Я замечал, как в мутных волнах
Вдруг струйка светлая течет.
И долго мчатся эти воды,
Все не мешаясь меж собой,
Как ты сквозь дни мои и годы
Идешь струею голубой.

Утро

Вышло солнце из-за леса,
Поредел туман белесый,
И в деревне вдоль реки
Закудрявились дымки,
На цветок, росой омытый
И навстречу дню раскрытый,
Опускается пчела.
Погудела, побыла,
Улетела, выпив сок,
И качается цветок,
Утомленный,
Утоленный,
К светлой жизни
Обновленный.

Цветы

Я был в степи и два цветка
Там для тебя нашел.
Листва колючая жестка -
Все руки исколол.
Цветы невзрачны, не беда,
В степи ведь нет других.
Скупая горькая вода
Питала корни их.
Вся жизнь для них была как боль
В пустынной стороне,
И не роса на них, а соль
Мерцала при луне.
Зато, когда железный зной
Стирал траву с земли,
Они в пыли, в соли земной
По-прежнему цвели.
А если розы любишь ты,

Ну что ж, не обессудь!
Мои колючие цветы -
Не приколоть на грудь.

Чайка

Тут и полдень безмолвен, и полночь глуха,
Густо спутаны прочные сучья.
Желтоглазые совы живут по верхам,
А внизу - муравьиные кучи.
До замшелой земли достают не всегда
Золотые и тонкие спицы.
И неведомо как залетела сюда
Океанская вольная птица.
И спешила спастись. Все металась, крича,
И угрюмые сосны скрипели.
И на черную воду лесного ручья
Тихо падали белые перья.
Я простор тебе дам. Только ты не спеши
О тяжелые ветви разбиться,
Залетевшая в дебри таежной тиши
Легкокрылая милая птица.